

Посвящаю Уолтеру

Глава 1

*Египетский зал, Пикадилли, Лондон
Сентябрь 1821 года*

Он стоял у окна. Все, кто находился в выставочном зале, могли беспрепятственно любоваться высокой, прекрасно сложенной фигурой в дорогом костюме. Сложив руки на груди, он пристально смотрел на улицу, хотя через толстое стекло Пикадилли казалась причудливо размытой и изломанной.

Во всяком случае, было совершенно ясно, что сама выставка — те чудеса, которые Джованни Бельцони обнаружил в Египте, — нисколько его не интересовала.

Тайно наблюдавшая дама решила, что незнакомец являет собой совершенную модель скупающего аристократа.

Непоколебимо уверен в себе. Абсолютно спокоен и уравновешен. Безупречно одет. Высок. Темноволос.

Он слегка повернул голову, и теперь появилась возможность рассмотреть профиль, который обязан был выглядеть изысканно-надменным.

Все оказалось иначе.

Дама едва не задохнулась.

Бенедикт Карсингтон, виконт Ратборн, отвернулся от окна и от той искаженной картины, которую открывало взгляду толстое стекло. На Пикадилли текла обычная жизнь: лошади, экипажи, пешеходы. Виконт вздохнул и обратил взгляд темных глаз в зал, где была выставлена сама смерть.

Выставка «Гробница Бельцони» представляла те находки, которые несколько лет назад исследователь привез из Египта. Открылась она первого мая и с тех пор вызвала постоянно растущий интерес публики. Бенедикт, сам того не желая, стал одним из тысячи девятистот посетителей первого выставочного дня. Сегодня он пришел в третий раз, хотя предпочел бы оказаться где угодно, только не здесь.

Древний Египет не привлекал его так, как привлекал многочисленных родственников. Даже взбалмошный брат Руперт, и тот поддался чарам; возможно, его привлекали многочисленные возможности с трудом постижимого, а порой и вообще фантастического ухода от смерти. И все же вовсе не ради Руперта лорд Ратборн решил провести в Египетском зале еще один долгий день.

Причина визита находилась в дальнем конце зала: именно там сидел племянник и крестник Бенедикта, тринадцатилетний Перегрин Далми, граф Лайл, единственный наследник маркиза Атертона, зять виконта. Мальчик прилежно срисовывал модель внутреннего помещения второй пирамиды, вход в которую Бельцони обнаружил три года назад.

Учителя Перегрин сказали бы любому — как, впрочем, неоднократно говорили его отцу, — что прилежание вовсе не являлось яркой чертой характера молодого лорда Лайла.

Однако едва дело касалось египетских древностей, Перегрин проявлял необычайную настойчивость. Вот уже два часа кряду интерес его не ослабевал. Любой другой мальчик уже полтора часа назад сорвался бы с места и убежал прочь, на свежий воздух.

Но с другой стороны, будь на месте Перегрин другой мальчик, и самому Бенедикту не пришлось бы торчать в Египетском зале. Он просто послал бы в качестве сопровождающего одного из слуг.

Перегрин выглядел как истинный ангел. Красивое безмятежное лицо. Льняные волосы. Чистые серые, совершенно бесхитростные глаза.

В июле, во время коронации короля, для поддержания порядка была специально нанята команда боксеров под руководством Джентльмена Джексона. Возможно, если бы эти ребята как следует постарались, им удалось бы сохра-

нить видимость покоя там, где присутствовал наследник лорда Атертона.

Помимо боксеров — ну и, наверное, подразделения королевской гвардии, — на молодого лорда Лайла мог повлиять лишь дядя Бенедикт. Это если не считать отца Бенедикта, графа Харгейта. Однако лорд Харгейт обладал способностью наводить страх на кого угодно, кроме собственной жены, и считал ниже своего достоинства обращать внимание на озорных мальчишек.

Надо было взять книгу, подумал Бенедикт. С трудом подавил зевоту и принялся в очередной раз рассматривать репродукцию барельефа с гробницы фараона. Очень хотелось понять, что в этом изображении так привлекает толпы зрителей и в том числе Перегрину.

Три ряда примитивно нарисованных фигур. Верхний ряд составляла вереница мужчин с бородами, концы которых загибались вверх. Все фигуры наклонились вперед и сжали руки. Над головой у каждого маячил столбик иероглифов.

В среднем ряду четверо сидели в лодке, держали весла и везли еще троих. Неподалеку то ли летали, то ли плавали какие-то очень длинные змеи. И опять иероглифы над головами. Может быть, все эти люди разговаривали, и иероглифы представляли собой всего лишь древнеегипетскую версию тех «пузырей», в которых потом начали изображать слова героев карикатур?

Внизу, опять-таки под колонками иероглифов, шагала еще одна вереница фигур. Эти люди отличались от остальных и чертами лица, и прическами. Скорее всего иностранцы. А замыкало вереницу божество, которое Бенедикт узнал: бог по имени Тот с головой ибиса — покровитель учения и учености. Бога Тота узнал бы даже Руперт, хотя потраченные на его обучение огромные деньги лорд Харгейт мог с таким же успехом закопать в землю.

Смысл таинственных фигур дарил воображению богатую пищу, а собственное воображение, как, впрочем, и многое другое, Бенедикт предпочитал держать под строгим контролем.

Он переключил внимание на другую половину зала и принялся наблюдать за тем, что происходило там. Для большей

части бомонда выставка уже утратила привлекательность новизны, и люди куда охотнее провели бы прекрасный солнечный день в парке, чем здесь, среди содержимого древних гробниц.

Бенедикт ясно и отчетливо увидел ее.

Слишком отчетливо.

На какое-то мгновение он даже зажмурился — так, как это делает человек, который в солнечный день выходит из пещеры на свет.

Она стояла в профиль, как и фигуры на стене за ней. Она внимательно разглядывала статую.

Бенедикт увидел спускающиеся из-под полей светло-голубой шляпки черные локоны. Длинные черные ресницы и бледную, жемчужную кожу. Пухлые, словно спелая слива, губки.

Взгляд скользнул ниже.

На сердце опустилась невыносимая тяжесть.

Он едва не задохнулся.

Правило гласит: в упор разглядывают лишь дурно воспитанные, вульгарные и невежественные люди.

Огромным усилием воли он заставил себя отвернуться.

Возле Перегрина остановилась девочка. Он старался не обращать на нее внимания, но она загоразживала свет. Перегрин на мгновение поднял глаза и тут же снова опустил взгляд в блокнот. Доли секунды оказалось вполне достаточно, чтобы заметить, что незнакомка стоит со сложенными на груди руками, сосредоточенно сжав губы, и внимательно, слегка нахмурившись, рассматривает рисунок. Он прекрасно знал это выражение; оно всегда появлялось на лицах учителей.

Девочка, должно быть, восприняла взгляд как приглашение к общению, потому что сразу заговорила.

— Сначала никак не могла понять, почему ты решил рисовать именно пирамиду, — произнесла она критическим тоном. — В ней ведь только углы и прямые линии. Ничего интересного. Мумии в саркофагах куда забавнее. Но теперь мне уже ясно, в чем дело. У тебя явные нелады с рисованием.

Перегрин очень медленно, словно нехотя, поднял голову и внимательно посмотрел на девочку. Посмотрел и даже испугался: у нее оказались такие большие и яркие синие глаза, какие бывают только у кукол.

— Прошу прощения? — произнес он тоном ледяной вежливости, который перенял у дяди. Отец Перегрин носил титул маркиза и почетное звание пэра королевства, а дядя пока что мог похвастаться лишь титулом учтивости — виконт Ратборн. Однако именно Бенедикт Карсингтон отличался особой строгостью и обладал неоспоримым искусством читать впечатляющие нотации. Кроме того, он славился умением поставить на место кого угодно. Говорили даже, что в состоянии крайней вежливости лорд Ратборн способен заморозить кипящее масло, причем на расстоянии пятидесяти шагов.

Впрочем, в исполнении Перегрин ледяная вежливость действовала далеко не так эффективно.

— В книге синьора Бельцони представлено прекрасное поперечное сечение пирамиды, — заявила девочка таким тоном, словно ее умоляли продолжить монолог. — Может быть, лучше зарисовать на память одну из мумий? Или богиню с львиной головой. Моя мама могла бы сделать для тебя превосходную копию: она блестяще рисует.

— Не хочу «на память», — бескомпромиссно заявил Перегрин. — Я собираюсь стать путешественником и исследователем, так что когда-нибудь привезу домой целую кучу подобных вещей.

Девочка перестала хмуриться. Учительский взгляд тут же исчез.

— То есть ты станешь ученым, как синьор Бельцони? — уточнила она. — О, это очень почетно!

Как ни старался Перегрин, ему не удалось скрыть энтузиазм так, как это умел делать лорд Ратборн.

— Ничего почетнее и быть не может, — с готовностью согласился он. — Нил тянется на тысячи миль, и все это пространство необходимо исследовать. Больше того, знающие люди утверждают, что увидеть можно лишь вершину айсберга, а основные сокровища скрыты песком. А когда удастся прочитать иероглифы, то можно будет узнать, кто

построил пирамиды и когда именно. Сейчас история Древнего Египта подобна истории Средневековья: все скрывается под пологом тайны. Но я непременно стану одним из тех, кто разгадает все загадки и секреты. Уверен: именно мне удастся открыть новый мир.

Синие кукольные глаза распахнулись еще шире.

— О, в таком случае, это уже не просто исследование. Это — настоящее благородное испытание! Ведь тебе предстоит пролить свет на историю Древнего Египта! Я тоже готовлюсь к испытаниям. Когда вырасту, непременно стану рыцарем.

Перегрин решил, что ослышался, и даже хотел засунуть палец в ухо, чтобы проверить, в порядке ли слух. Однако вовремя вспомнил о присутствии дядюшки и, едва представив тот взгляд, которым наградит племянника лорд Ратборн, опустил руку. Вместо этого просто вежливо уточнил:

— Извини, ты действительно сказала, что собираешься стать рыцарем — то есть человеком в сверкающих латах?

— Да, именно это я и сказала, — подтвердила девочка. — Таким, как рыцари Круглого стола. Благородный Сэр Оливия — вот как меня будут звать. Опасные испытания, благородные дела, борьба со злом...

— Смешно, — заметил Перегрин.

— Вообще нет, — возразила девочка.

— Еще как смешно, — повторил Перегрин спокойно и терпеливо. Ведь она девчонка и понятия не имеет о логике. — Во-первых, вся эта чепуха насчет короля Артура и рыцарей Круглого стола — просто выдумка, миф. В ней столько же исторической правды, сколько в древнеегипетских сфинксах и богах с головами ибиса.

— Миф? — И без того огромные глаза округлились и засияли еще ярче. — Но как же тогда крестовые походы?

— Я не говорил, что рыцари вообще не существовали, — заметил Перегрин. — Существовали и существуют. Но магия, чудовища и чудеса — всего лишь сказка. Беда Достопочтенный даже не упоминает о короле Артуре.

Он продолжал выдержанно и последовательно отстаивать свою точку зрения, ссылаясь на исторические свидетельства о простом воине, который мог послужить, а мог

и не послужить прототипом легендарного Артура. Перегрин подробно объяснил, как на протяжении веков складывалась красивая романтическая сказка; как она обрастала подробностями о мифических существах и чудесах, как наполнялась религиозными ассоциациями: ведь церковь обладала огромной силой и повсюду распространяла свое влияние.

Затем молодой граф Лайл перешел к изложению собственных взглядов на религию — тех самых, из-за которых его выгоняли из всех школ по очереди. Впрочем, снисхождение к слабому и недостаточно образованному женскому уму заставило ограничиться упрощенной и сокращенной версией стройной теории.

Когда же наконец он на мгновение остановился, чтобы перевести дух, девочка насмешливо заметила:

— Но ведь это всего лишь твое мнение. Наверняка ты ничего не знаешь. Вполне возможно, что существовали и Святой Грааль, и Камелот.

— Зато я твердо знаю, что драконов не было. Так что и убивать было некого. Если нет драконов, ты их просто не сможешь убить!

— А рыцари все равно были! — закричала она. — И я смогу стать рыцарем!

— Нет, не сможешь, — с еще большим терпением заключил Перегрин: собеседница так печально заблуждалась. — Не сможешь потому, что ты девочка. Девочки рыцарями не бывают.

Незнакомка выхватила из его рук блокнот и швырнула прямо в голову.

Несчастья не случилось бы, если бы Вирсавия Уингейт постоянно следила за дочерью.

Увы, она этого не делала.

Она изо всех сил старалась не смотреть на скучающего аристократа... на длинные ноги, которые так любовно облегало дорогое сукно модных брюк... на изящные сапоги, темный блеск которых гармонировал с блеском глаз... на широкие плечи, почти заслонявшие окно... на упрямый, решительный подбородок и надменный нос... на мрачные, опасно скучающие глаза.

Казалось, Вирсавия вновь превратилась в сумасбродную шестнадцатилетнюю мисс, хотя на самом деле была здраво-мыслящей матроной в два раза старше. Казалось, она впервые в жизни встретила красивого аристократа, хотя на самом деле повидала их немало, а за одного даже вышла замуж. Внезапно она потеряла себя и превратилась в кого-то... она и сама не знала, в кого. Да, впрочем, какая разница?

Она долго стояла, безуспешно пытаясь переключить внимание с неожиданного видения на мумии и не замечая, как проходит время. А в эти самые минуты Оливия едва не воплотила в жизнь самые душераздирающие сцены из Апокалипсиса.

Да и вообще, стоя вот так, словно в ловушке, с отчаянно бьющимся сердцем и срывающимся дыханием, Вирсавия совсем забыла, что у нее есть дочь.

Вот потому-то она заметила неприятность, когда было уже слишком поздно.

Стук, отчаянный вопль, а потом крик до боли знакомого голоса:

— Дурак! Идиот!

Все звуки свидетельствовали о том, что произошло нечто крайне нежелательное. Но шум разрушил опасные чары. Вирсавия поспешила на крик и, к счастью, выхватила блокнот из рук Оливии еще до того, как тот успел улететь в другой конец зала и по пути разбить какую-нибудь бесценную реликвию.

— Оливия Уингейт, — тихо произнесла Вирсавия, надеясь ограничить круг свидетелей, — я поражена, потрясена!

На самом деле слова не содержали ни капли правды. Вирсавия была бы поражена лишь в том случае, если бы дочери удалось провести полчаса в цивилизованном обществе и при этом не устроить впечатляющего спектакля.

Она повернулась к мальчику со светлыми льняными волосами — невольной жертве Оливии. Тот неподвижно сидел на полу возле опрокинутой табуретки и смотрел на мать и дочь настороженными серыми глазами.

— Я сказала, что, когда вырасту, обязательно стану рыцарем. А он ответил, что девочки рыцарями не бывают, — срывающимся от гнева и обиды голосом пояснила Оливия.

— Лайл, такое вопиющее пренебрежение основополагающим жизненным правилом вызывает искреннее изумление, — раздался неподалеку спокойный, удивительно глубокий голос. Казалось, звук его покатился по позвоночнику вниз, а потом снова поднялся к чувствительному узелку на шее Вирсавии. — А ведь я уже неоднократно предупреждал, — продолжал звучать голос, — что джентльмен ни в коем случае не должен противоречить леди.

Вирсавия взглянула в направлении голоса.

Ах, ну конечно.

Из всех мальчиков мира Оливия выбрала своей мишенью именно того, который пришел с этим человеком.

Она относилась к числу тех женщин, которые провоцировали несчастные случаи даже тогда, когда просто переходили улицу.

Она относилась к числу тех женщин, появлению которых должен предшествовать предупредительный знак.

На расстоянии она выглядела просто умопомрачительно. Сейчас она стояла совсем близко.

И...

Однажды, во время одной из юношеских проделок, Бенедикт упал с крыши и на некоторое время потерял сознание.

Сейчас он упал прямо в темно-синие, словно морская пучина, глаза и потерял разум. Мир куда-то улетел, мысли тоже куда-то испарились, осталось лишь видение: жемчужная кожа, пухлые яркие губы, бездонная синева, в которую он неумолимо погружался... а потом розовый отсвет, словно рассвет окрасил изысканно очерченные скулы и нежные щеки.

Румянец. Она покраснела.

Усилием воли виконт заставил себя вернуться к действительности.

Вежливо поклонился.

— Прошу прощения, мадам, — заговорил он. — Вынужден признать, что этот юный зверь, к сожалению, еще не полностью поддался воздействию цивилизации. Поднимитесь с пола, сэр, и немедленно попросите у дам прощения за причиненные волнения.